

УДК 339.9.012.23

Кальченко Т. В.

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых трансформаций глобализации – трансформация и модификация национальных государств, выясняются их причины и последствия. Делается вывод об исчезновении классических институтов вестфальской системы международных отношений и о переходе на новую постиндустриальную парадигму развития с акцентом на негосударственных формах управления и контроля мирового развития.

Ключевые слова: экономический глобализм, императивы, периферия, нация-государство, суверенитет, кризис, система, демонтаж.

Кальченко Т. В.

КРИЗА НАЦІОНАЛЬНОЇ ДЕРЖАВНОСТІ В ПОСТИНДУСТРІАЛЬНІЙ ПАРАДИГМІ РОЗВИТКУ: ЕКОНОМІЧНІ ПРИЧИНИ І НАСЛІДКИ

Анотація. У статті розглядається одна з ключових трансформацій глобалізації – трансформація і модифікація національних держав, з'ясовуються їх причини та наслідки. Робиться висновок про зникнення класичних інститутів вестфальської системи міжнародних відносин і про перехід на нову постіндустріальну парадигму розвитку з акцентом на недержавних формах управління і контролю світового розвитку.

Ключові слова: економічний глобалізм, імперативи, периферія, нація-держава, суверенітет, криза, система, демонтаж.

Kal'chenko T. V.

THE CRISIS OF NATIONAL STATEHOOD IN POSTINDUSTRIAL DEVELOPMENT PARADIGM: ECONOMIC CAUSES AND IMPLICATIONS

Summary. One of the key transformations of globalization – the transformation and modification of national states together with their reasons and consequences were examined. It was concluded that classical institutes of Westphalian system of international relations disappeared and there is the transition to new postindustrial paradigm of development dominated by non-governmental forms of management and control of world development.

Key words: economic globalism, imperatives, periphery, nation-state, sovereignty, crisis, system, dismantling.

Постановка проблемы. На сегодняшний день можно констатировать существенную трансформацию основных регуляторных институтов. В первую очередь это относится к государству как

ключевому элементу управленческой архитектуры глобальных процессов. Меняются сама суть государства, его аппарат, приоритеты, сферы полномочий, ареалы действий, управленческий потенциал. Причиной являются не столько экономико-политические катаклизмы и новые императивы развития, сколько новые требования к самой властной структуре управления.

Во-первых, постепенно проявляется все более настойчивая тенденция к демонтажу понятия «национальное государство» (в большинстве стран четкая линия к защите национальных интересов подменяется либо коллективными союзническими приоритетами, либо реализуется ситуативная линия к защите неких эфемерных много- или полинациональных интересов).

Во-вторых, понятие государственный экономический суверенитет уже практически больше не существует (или существует в довольно ограниченном количестве стран-систем), на смену ему приходят понятия «сфера государственно-корпоративных интересов», «концессионный суверенитет», «суверенитет автономных групп» и т. д.

В-третьих, меняются сами принципы управления. Из иерархических, жестко регламентированных и довольно отчетливых они преобразуются в сетевые, гибкие, мобильные и малоопытные. Со всей очевидностью это проявляется в практике принятия тех или иных политико-экономических решений в пользу тех или иных групп.

В-четвертых, резко меняются полюса власти. Если еще каких-либо двадцать-тридцать лет тому назад можно было с легкостью идентифицировать конкретный центр принятия ключевых решений, то уже сегодня этот центр завуалирован настолько, что даже ведущие аналитики не могут распознать причину возникновения, характер реализации и последствия их реализации.

Анализ литературы. Теоретические и практические аспекты глобальных процессов и геоэкономической обусловленности национальных стратегий в условиях трансформации, а также глобальная корпоратизация экономического развития освещены в трудах Э. Г. Кочеткова, И. Леонова, В. П. Юрченко и других авторов. Вместе с тем изменения, происходящие в глобальном пространстве, обуславливают необходимость выработки новых подходов к решению данной проблемы.

Целью данной статьи является анализ причин в условиях постиндустриального развития и определение последствий данного явления.

Изложение основного материала. Можно склоняться к мысли, что подобные требования есть закономерный результат глобального раз-

вития, следствие унификации управленческих практик и ответ на ключевые вызовы сегодняшнего дня. Но некоторые размышления о природе предыдущих системных кризисов наводят на совершенно иные выводы.

Согласно общей теории К. Маркса, переход от одной системы к другой – социальная революция – происходит тогда, когда производственные силы старой системы перерастают в ее производственные отношения. Если бы подобное утверждение было верно, то каждая новая социальная система («формация») стартовала бы с уровня производительных сил, более высокого, чем тот, что был характерен для прежней. В исторической же реальности все происходит наоборот. Феодализм достиг уровня производительных сил поздней античности лишь в XI–XII вв., т. е. ранний феодализм по уровню развития производительных сил уступал поздней античности; капитализм достиг уровня развития производительных сил позднего феодализма только в начале XVIII в., т. е. приблизительно 300–400 лет он догонял прошлое. По-видимому истоки кризисов следует искать в иной плоскости – плоскости классовых интересов основных системообразующих субъектов или агентов системы. Исследования показали, что именно интересы тех или иных правящих олигархических верхушек генерируют начало кризисных явлений.

Если внимательно присмотреться к современному состоянию вещей – то со всей очевидностью проступает комбинаторность последствий всех трех предыдущих системных кризисов – ресурсно-демографического (социобиосферного), цивилизационного (кризис античности) и формационного (кризис феодализма), когда ухудшается положение средних и рабочих слоев даже ядра системы, размывается гражданское общество, многие западные социумы из общества граждан превращаются в общество общин и меньшинств, рынок сменяется монополией, в упадок приходит рациональное знание, подрывается университетская система образования, налицо упадок морали и нравственности и т. п. Еще в 1975 г. увидел свет доклад «Кризис демократии», написанный по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Д. Ватануки. В докладе было четко зафиксировано наличие угроз для доминирующего положения правящего слоя – прежде всего, то, что против него начинают работать демократия и государство всеобщего социального обеспечения (так называемое «welfare state»), оформившееся в послевоенный период. В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали

борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и что эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник – «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью политического участия». Отсюда следовал вывод – необходимо способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она – лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный [1, с. 34; 2].

Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества – по сути, их демонтаж. Речь идет о политике, гражданском обществе, рациональном знании и т. д. Иными словами демонтируется сам капитализм, который представляет собой сложную институциональную систему, ограничивающую капитал в его долгосрочных интересах и обеспечивающую (прежде всего с помощью государства) его экспансию в пространстве. Последнее имеет жизненно важное значение для капитализма в силу его экстенсивной ориентации. Иным он просто и быть не может, он решает многие внутренние противоречия, вынося их за собственные рамки и прирастая пространством. Как только мировая норма прибыли снижается, капитализм выхватывает, вырывает кусок из некапиталистической зоны и превращает его в капиталистическую периферию – источник дешевой рабочей силы и рынок сбыта. И так до следующего серьезного снижения прибыли. Таким образом, для нормального функционирования капитализму жизненно необходима некапиталистическая зона, которую он постепенно превращает в капиталистическую периферию и без которой он тоже не может существовать. Помимо прочего, эксплуатация периферии помогает поддерживать социальный мир в центре («ядре»), поддерживать определенный уровень жизни большей части его населения. Ограничителями же действий капитала в самом ядре являются, как уже говорилось, классические институты – нация-государство, гражданское общество и ряд других форм и институтов. И именно эти институты и связанные с ними социальные группы постепенно демонтируются с середины 1970-х годов. Демонтаж этих институтов означает, по сути, демонтаж капитализма как системы, который предпринимается наднациональной олигархической верхушкой в интересах сохранения собственного доминирующего положения и властных полномочий [3, с. 80].

Катализатором этого процесса, прежде всего, выступает исчезновение мировой периферии, в результате чего капитализм не может справиться с собственными проблемами, вынося их извне. Поскольку капитализм является экстенсивно, а не интенсивно ориентированной системой, его переориентация требует демонтажа системообразующих элементов, т. е. самой системы, и создание на ее основе иной. Но периферийные зоны в настоящее время невозможно игнорировать, ибо они переместились в центр (налицо существенные трансформации капиталопотоков, изменение географической структуры торговли и движения рабочей силы, когда Юг проникает на Север, создает свои анклавные диаспоры, подрывает закономерности развития центра).

Кроме того, капитализм представляет собой глобальную планетарную систему, основанную на эксплуатации всей биосферы, в результате чего надвигаются глобальный экологический и ресурсный кризисы. Таким образом, демонтаж капитализма развивается на фоне глобального биосферно-ресурсного кризиса.

Одновременно, как по сигналу, начинают пробуждаться и другие системные сбои – кризис западной цивилизации, кризис христианства, кризис земной цивилизации и т. п.

В результате можно заключить, что мир доживает относительно спокойные десятилетия перед масштабным многоуровневым системным кризисом, аналогов которому не было и который может демонтировать не только капитализм, но и всю мировую цивилизацию как таковую. И если человечество сможет, сократившись в численности до 0,5–1 млрд., пережить его, то это будет совершенно новая постглобальная эпоха. Скорее всего, она будет иметь вид своеобразного синтеза сверхинновационных очагов (анклавов) с неархаическими или даже варварскими структурами.

Таким образом, мозаика различных форм социального, властного и экономического устройства, мир контрастов (рядом со сверхсовременными анклавами «регион-экономик» будут существовать демодернизирующиеся асоциальные зоны) – это ключевой глобальный вызов системе государственного управления и императивам ее коренной и незамедлительной перестройке.

Перестройка эта может осуществляться либо по иерархической, либо по сетевой матрице. Как это не парадоксально звучит, сетизация, рекламируемая как инновационный управленческий подход, означает архаизацию системы взаимосвязей. Сеть подается как новая парадигма существования, которая приходит на смену

демократическим принципам управления. Эта трансформация связана с выходом на арену нового правящего класса – неттократии (на самом же деле это и есть мимикрирующая капиталистическая элита, стремящаяся транслировать себя в будущем). Наряду с этим высшим классом вместо ранее существовавшего пролетариата появляется консьюмериат, т. е. класс потребителей. Подчинение низшего класса высшему осуществляется путем внедрения потребительских матриц и эталонов, что неизбежно ведет к постоянной адаптации путем отказа от традиционных ценностей собственной цивилизационной общности. Поскольку сеть строится на принципе полицентризма, создается множественная система властных центров, во-первых, в форме разделения властей, а во-вторых, в форме появления новых сетевых структур, включая неправительственные организации. Уничтожение национальной государственности осуществляется сетью через уничтожение национальной политики путем постановки под полный контроль системы высшего государственного менеджмента. В этом контексте вовсе не эфемерным представляется наличие у ряда даже ведущих государств-лидеров мировой экономики соответствующих негласных договоренностей с неформальными элитарными теневыми структурами (например, «Канцлер-акт» для ФРГ, представляющий собой документ, который принуждает соответствующее правительство Германии действовать по указке союзников, поддерживать их версию Второй мировой войны, а также – представляет собой часть тайного государственного договора от 21 мая 1949 г., с помощью которого союзники гарантировали себе в числе прочего полный контроль над средствами массовой информации в ФРГ до 2099 года [4]). Такого рода документы, которые до сегодняшнего дня должны подписывать некоторые главы государств еще до принятия присяги, есть не что иное, как добровольный или вынужденный отказ от самостоятельности в проведении независимой политической и экономической линии.

США также уже сегодня живут на неттократических принципах, когда ключевые решения исходят не от Администрации, а из абсолютно неподконтрольных государству структур (например, ФРС).

Такой период полураспада государственности неттократы называют сетевой демократией. В сетевом мироустройстве национальное государство не пользуется доверием, а власть, пораженная сетевой патологией, не способна обеспечить национальную безопасность. Сетевое сознание не признает границ, поэтому для политического руководства, в котором доминируют но-

сители сетевого сознания, естественной является охота к перемене мест, фрилансерство, так называемая философия «граждан мира». Присущая неттократии способность менять среду обитания, как только она перестает ее устраивать, создает предпосылки для создания совершенно новой и исключительно сложной политической системы – плюархии, где каждый отдельный участник решает сам за себя, но не имеет способности и возможности принимать решения за других.

Таким образом, отличительной чертой сетевых структур является их отрыв от государственного начала. Это в основном негосударственные организации, которые подчиняют себе, ставят под жесткий контроль слабые в иерархическом отношении государства, делая их ячейками мировой сети, инструментом ее распространения, как это произошло с США, ФРГ. Либо они (и Российская Федерация яркий тому пример) подрывают основы сильных в иерархическом отношении государств, внедряя в их политико-экономическую систему основанные на плюрализме и множественности сетевые принципы управления, а в политическую элиту – носителей сетевого сознания. Характерным примером этого является заинтересованность Запада во внедрении универсальной электронной карты (УЭК) в Российской Федерации. В рамках этого в разгар кризиса 2009 г. было выделено 2 миллиона долларов на развитие проекта «Электронное правительство в Российской Федерации». Проект разрабатывается и внедряется на средства ЭС, оборудование и программное обеспечение, на котором работает система, производится также за границей, нормативно-правовая система и методическая база формируется по образу зарубежных аналогов, и при этом не возникает никаких опасений. Между тем в Великобритании, ФРГ, Южной Корее, Финляндии отказались от внедрения универсальных электронных карт. УЭК рекламируются как инновационный продукт, призванный сделать более прозрачным взаимодействие гражданина с органами власти, упростить контроль государства за использованием бюджетных средств на местах, снизить уровень коррупции, упростить бюрократические процедуры, улучшить качество государственных услуг и т. д. УЭК создается для взаимодействия граждан с «электронным правительством». Однако существование такой формы исполнительной власти, как электронное правительство, ни в Конституции РФ, ни в федеральном конституционном законе «О правительстве РФ» не предусмотрено, таким образом данная форма власти является неконституционной. То же относится и к определению «госу-

дарственные услуги». А УЭК предусматривает наличие в качестве уполномоченных координаторов и операторов проекта Сбербанк (доля в уставном капитале 34%), Уралсиб (33%) и банк «Ак Барс» (33%). При этом два из трех банков – частные. Таким образом, закон РФ № 210-ФЗ уже на законодательном уровне закрепил создание коммерческих организаций, заменяющих органы государственной власти и органы местного самоуправления во всех социально значимых сферах жизни гражданина. По сути, государство отказывается от выполнения своих функций и делегирует их частным коммерческим организациям. Заодно эти организации получают и все права на сбор личной и конфиденциальной информации, ее обработку, использование, накопление, хранение, обновление. Это еще раз подтверждает тезис о постепенной подмене иерархических управленческих структур на сетевые путем выведения из сферы государственного контроля ключевых операционных сфер, баз данных, регламентов и создания на их основе новых надконституционных органов власти, уже действующих на совершенно иных базисах и принципах, подчиняющихся сигналам и командам извне.

Транснациональные СМИ присваивают себе роль кураторов политико-экономических событий и монопольных интерпретаторов того, что происходит. ТНК направляют усилия на разгосударствление, денационализацию экономики и постановку ее под свой контроль. В военной сфере опасность представляют частные военные компании (ЧВК), которые занимаются созданием вооруженных сил сети. Кроме того, к существующим ныне субъектам сетевого мироустройства можно отнести следующие:

- наднациональные глобальные структуры;
- номинальные государства;
- неправительственные организации;
- международные и надгосударственные альянсы;
- религиозно-этнические группы;
- международные преступные организации;
- полулегальные общества [5, с. 311].

Понятно, что в такой своеобразной институционализации переход на сетевые принципы управления для многих стран становится неизбежным, тем более, если он предварительно подготовлен процессами долларизации экономики, ее либерализацией и вхождением национальных компаний и предприятий в систему зарубежных транснациональных воспроизводственных процессов.

Но для государств, которые стремятся сохранить лидирующее положение на геэкономической карте мира, постепенно превратиться

в системные образования, это абсолютно неприемлемо. Тем более, что они должны самостоятельно продуцировать те принципы и модели управления, которые прежде всего отвечают их стратегическим интересам и обеспечивают монопольное господство на определенных экономических ареалах.

В данном случае это относится к КНР и Российской Федерации, которые хотя и частично подпали под влияние процессов сетизации, но еще не окончательно утратили возможность стать глобальными лидерами. Это возможно только с опорой на собственные подходы к философии и методам государственного управления, которые базируются на исторической преемственности и сугубо национальных интересах и технологиях.

Конечно, в некотором смысле, подобная альтернатива выглядит несколько утопично, особенно, когда государственный аппарат ощущает агрессивное давление зарубежных кураторов, но для стратегического рывка и устойчивого развития в будущем построение новой управленческой вертикали просто необходимо. Для геополитических зон, к которым принадлежит Российская Федерация, крайне необходимо перестроить государственный управленческий аппарат таким образом, чтобы номинально сохраняя внешнюю открытость, быть в состоянии в любой момент перейти на режим закрытой экономики самообеспечения. Это позволяет сделать и имеющийся промышленный и военный потенциал. С нашей точки зрения, современное государственное управление в такой ситуации должно сохранять иерархичность, опираться на централизацию, подотчетность всех субъектов федерации.

Первым этапом модернизации существующей структуры управления и для того, чтобы оперативно реагировать на внутренние конъюнктурные изменения, нужно провести инвентаризацию фондов, запасов, производственных мощностей, сделать поотраслевой анализ возможностей самообеспечения и определить критический уровень импортной зависимости, а также идентифицировать уровень транснационализации экономики на предмет его угрозы национальной безопасности. Определив внутренние возможности и внешние угрозы экономического развития, необходимо перейти к следующему этапу – реальному, а не декларативному планированию с четко формируемыми целями и поставленными приоритетами национального развития и государственными программами целевого финансирования. На третьем этапе можно вносить некоторые коррективы в существующую систему управления путем устранения

дублирующих и неэффективных, в первую очередь, региональных звеньев. Безусловно, подобная модернизация должна предусматривать подотчетность и слаженность работы всех элементов системы.

Выводы. Государства, уже почти окончательно потерявшие суверенитет (имеется в виду большая часть стран Европы, СНГ), не могут рассчитывать на построение самодостаточной экономической системы, они прочно инкорпорированы в сетевые структуры. Поэтому единственным для них приемлемым вариантом на сегодня является реализация интегративных планов, причем иногда разновекторного порядка. В данном случае речь не идет о более или менее приемлемом варианте, главная цель заключается в сохранении правящих элит и ареалов их экономической деятельности.

Понятно, что в условиях системных кризисов, которые только набирают оборот и будут все более и более драматичными с точки зрения последствий, последняя линия поведения однозначно обречена на провал и является абсолютно бесперспективной в долгосрочном плане, поскольку никакое интегративное или региональное объединение самого совершенного порядка не способно мобилизовать внутренние резервы для спасения отдельно взятой страны, оно скорее распадется или рационализирует структуру.

Лидирующий статус сохраняют, еще раз повторяем, те образования, которые сумеют освободиться от чрезмерной опеки разнообразных «сетей», будут опираться на национальные управленческие модели и режим самообеспечения, продемонстрировавший свою эффективность в условиях кризисов, депрессий, военных столкновений и разнообразных катаклизмов. Кроме того, такой своеобразный «патриотизм»

станет катализатором объединительных процессов нового формата. Ведь только задекларированная не только на словах, но и на деле национальная окраска экономических, политических, технологических программ развития будет мощным залогом единства не только крупных образований, но и регионов в целом.

Для Российской Федерации поэтому отказ от излишней либерализации, сохранение иерархических принципов управления, определенная консервативность и внутреннее самообеспечение выступают не только ключевыми императивами развития, но и залогом конкурентных позиций в будущем и закрепления статуса страны-системы. В противном случае, пальму первенства получит Китай, который уже сегодня декларирует далеко идущие геополитические лидерские амбиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальченко Т. В. Глобальна економіка: методологія системних досліджень : монографія / Т. В. Кальченко. – К. : КНЕУ, 2006. – 248 с.
2. Кальченко Т. В. Глобальна корпоратизація економічного розвитку / Т. В. Кальченко, В. П. Юрченко // Ринок цінних паперів України. – 2009. – № 5–6. – С. 3–8.
3. Кальченко Т. В. Гео економічна обумовленість національних стратегій розвитку в умовах глобальних трансформацій / Т. В. Кальченко // Вчені записки Кримського інженерно-педагогічного університету. Випуск 17. Економічні науки. – Сімферополь : НІЦ КІПУ, 2009. – С. 78–82.
4. Канцлер-Акт за право дышать [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruskline.ru/analitika/2012/05/10/kanclerakt_za_pravo_dyshat/.
5. Кочетков Э. Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства / Э. Г. Кочетков. – М. : Норма, 2006. – 528 с.